

По спине Чэнь Цзэмяня мгновенно проступил холодный пот.

На клиентском чеке черным по белому значилось его имя.

Его. Собственное. Имя.

И пускай почерк был небрежным, а размашистые буквы сливались в единый росчерк, как ни крути, а прочитать «Цзэмянь» как «Чжэ» не смог бы даже самый непредвзятый наблюдатель.

Цзэмянь застыл на месте. Выпитый алкоголь, казалось, испарился вместе с холодным потом; хмель мгновенно выветрился, оставив после себя кристальную ясность мыслей. Вот только конечности совершенно не слушались — тело сковала глухая, онемевшая тяжесть.

"Что делать? Что, черт возьми, делать?!"

Мысли лихорадочно сменяли друг друга, переплетаясь в безумном хороводе, взлетали к сознанию и тут же тонули в крошечной тьме. За долю секунды он успел перебрать тысячу вариантов, но так и не зацепился ни за один.

"Да придумай же хоть что-нибудь, тупица! Думай!"

Цзэмянь продолжал сверлить взглядом клочок бумаги, хотя мысленно был уже очень далеко. Лу Чжонянь, давно привыкший приводить в чувство витающего в облаках собеседника, рефлекторно согнул указательный палец, намереваясь постучать по дереву, но обнаружил, что поблизости нет ни одного стола. Впрочем, для находчивого старшего молодого господина Лу это не стало преградой. Он просто поднял руку и легонько щелкнул Цзэмяня по лбу.

Тук, тук.

—...

Лу Чжонянь откуда-то достал влажную спиртовую салфетку и принялся неторопливо, с истинно аристократическим изяществом протирать пальцы. Движения его были легки и грациозны, словно у журавля, чистящего перья у воды, а вот сорвавшиеся с губ слова сочились чистейшим ядом:

— Что молчишь? Опять память отшибло?

— Н-нет, не отшибло, — выдавил заикающийся Цзэмянь. — Чэнь Цзэмянь... это просто... просто имя такое.

— Вот как? — Чжонянь многозначительно приподнял бровь. — И чье же оно? Твое?

— Ну... в каком-то смысле да, — тихо ответил Цзэмянь, упорно избегая встречного взгляда.

— В каком-то смысле, — медленно, словно пробуя слова на вкус, повторил Чжонянь. Этот вкрадчивый тон не сулил ничего хорошего: его собеседник действовал мягко, но неумолимо загонял жертву в угол. — И как это понимать? А кто тогда Чэнь Чжэ?

— Тоже я, — едва слышно прошептал Цзэмянь.

— Любопытно. И как у одного человека может быть сразу два имени?

— У людей часто бывает по два имени, — Цзэмянь принялся безбожно врать, стараясь придать голосу как можно больше уверенности. — Имя — это ведь просто ярлык, обращение. В том, чтобы иметь их несколько, нет ничего из ряда вон выходящего. Ты ведь одновременно и Лу Чжонянь, и молодой господин Лу, верно? Вот и я — и Чэнь Цзэмянь, и Чэнь Чжэ. Логика ведь одна и та же.

Чжонянь молча выслушал эту нелепую тираду. Он смотрел на него сверху вниз — спокойно, без тени суровости или подозрения, но в этой бездонной, как океан, мягкости Цзэмяню чудилась способность разглядеть любые, даже самые тщательно скрываемые тайны.

В этот момент Цзэмянь почувствовал себя несчастным студентом на защите диплома, когда строгий профессор насквозь видит всю халтуру.

— Наличие двух имен подчеркивает их относительность, — продолжал плести словесную паутину Цзэмянь, хотя вдохновение его стремительно покидало. Сжав зубы, он выдал финальный аккорд своей импровизированной диссертации: — Обычно они идут парами: официальное имя и домашнее прозвище, прежнее имя и нынешнее, китайское и иностранное... Короче говоря, иметь два имени — абсолютно нормальная практика, тут и обсуждать-то нечего.

Он поднял глаза на Чжоняня и натянул на лицо безукоризненную, профессиональную фальшивую улыбку, которая должна была выразить глубочайшее раскаяние докладчика за весь этот бред и немую мольбу отпустить его наконец домой.

"Господи, как же хочется домой... Ну пожалуйста, я ведь из кожи вон лез, пока это придумывал, прояви милосердие!"

Чжонянь уловил его безмолвную мольбу, но давать легкую пощаду попавшемуся котенку не планировал. В отношениях с этим парнем в нем просыпалась какая-то скрытая, слегка садистская игривость. Обычно великодушный и далекий от мелочности, сейчас он уступать не желал.

Взгляд Чжоняня потяжелел. Виртуозно применив излюбленный прием «бей врага его же оружием», он зацепился за выданную теорию:

— Раз уж ты утверждаешь, что имена всегда идут парами, логично предположить, что в эту систему укладываются также настоящие и вымышленные имена.

Зрачки Цзэмяня мгновенно сузились.

Заметив это мимолетное движение, Чжонянь заговорил еще медленнее, вкрадчивее:

— Так какое из них настоящее, а какое — выдумка? Чэнь Чжэ или Чэнь Цзэмянь?

— Оба настоящие, — отрезал Цзэмянь.

— Да неужели?

— Точно-точно, — Цзэмянь закивал, спешно вытаскивая телефон и разворачиваясь к выходу. — Нам пора возвращаться. Там молодой господин Сяо уже весь извелся.

На экране действительно висело уведомление от Сяо Кэсуна. Цзэмянь помахал мобильником слишком быстро, но Чжонянь успел разобрать текст — Кэсун действительно торопил их.

Прокручивая в пальцах сложенный чек, Чжонянь тихо, неопределенно усмехнулся:

— А Сяо Кэсун знает об этом твоём секрете?

— Нет, — буркнул Цзэмянь, на ходу обретая утраченное мужество.

— Получается, знаю только я, — ровным голосом констатировал Чжонянь.

Цзэмянь не до конца понимал, к чему клонит этот невыносимый человек и какой глубокий смысл он вкладывает в свои слова.

"Ну и что с того, что знаешь только ты? Подумаешь, имя не совпало. Тоже мне, преступление века!"

Убедив себя в собственной правоте, Цзэмянь окончательно осмелел:

— Да, я просто давно хотел сменить имя. У тебя с этим какие-то проблемы, молодой господин Лу?

Чжонянь слегка наклонил голову, пристально вглядываясь в его глаза.

У Цзэмянь был редкий, удивительный цвет глаз — мягкий, полупрозрачный дымчато-ореховый оттенок, напоминающий застывший в ледяном ключе янтарь, который переливался теплыми золотистыми искрами под лучами солнца.

Встретившись с этим чистым, открытым взглядом, Чжонянь не стал продолжать допрос.

— «Под луной и на ветру вольно петь, а сморит усталость — спать», — негромко процитировал Чжонянь. — Весьма поэтично.

Цзэмянь изумленно моргнул:

— Не думал, что ты увлекаешься столь редкой поэзией.

— Это довольно известные строки. И они тебе очень подходят.

— Подходят мне? — Цзэмянь усмехнулся.

— Ты ведь засыпаешь даже в машине. Твоему сну можно только позавидовать.

— Ну, я не каждый раз в машине сплю, — попытался оправдаться Цзэмянь, радуясь возможности сменить скользкую тему. — А у тебя что, проблемы со сном?

— Тяжело засыпаю, — признался Чжонянь, слегка кивнув. — Да и спится беспокойно. Вроде бы дремлешь, но сознание остается чистым, все контролирует.

— У меня такое было в ночь перед госэкзаменом, — сочувственно кивнул Цзэмянь. — Крутишься с боку на бок, то заснешь, то проснешься, а наутро чувствуешь себя разбитым, хотя нервы натянуты как струны.

Чжонянь зажал чек между пальцами и аккуратно сложил его вдвое, задумчиво потирая подушечкой большого пальца то место, где было выведено имя «Цзэмянь».

Цзэмянь шел слева от него и этих манипуляций не заметил.

— Плохо спать — это мука.

Цзэмянь, искренне сочувствуя чужой беде, решил поделиться жизненным опытом:

— Может, спортом перед сном заняться? Или включить какой-нибудь расслабляющий стрим? А еще лучше — послушать лекцию по философии. Под нее любой нормальный человек отключается за пять минут.

— Философия была моей второй специальностью в университете, — парировал Чжонянь. — Чтение таких трудов помогает убить время, иначе всю ночь проводишь в бесплодных размышлениях.

— И о чем же ты думаешь?

— О разном. В основном о всяких глупостях, не имеющих отношения к реальности, — Чжонянь на секунду замолчал, а затем добавил: — Думаю, сегодня ночью я буду думать о тебе.

Сердце Цзэмяня, только-только начавшее биться в нормальном ритме, снова совершило кульбит и застряло где-то в районе горла.

— И зачем обо мне думать? Я как раз парень абсолютно приземленный и реальный.

Чжонянь говорил все тем же спокойным, размеренным тоном, но от его слов веяло скрытой угрозой:

— Буду думать о том, почему ты расписываешься чужим именем. О том, почему ты так сильно отличаешься от того Чэнь Чжэ, которого я знал раньше. О том, почему ты раз за разом умудряешься приковывать к себе мое внимание.

Каждый вопрос ложился на плечи Цзэмяня тяжелым грузом, оплетая его невидимой, но прочной сетью, которая с каждым мгновением затягивалась все туже.

Чжонянь приподнял чек:

— Буду думать, спланировал ли ты все это заранее или просто наследил по глупости.

Цзэмянь затаил дыхание. Сердце бешено колотилось в груди — казалось, еще немного, и оно просто разорвется от перенапряжения.

Они шли совсем рядом, и Чжонянь отчетливо видел малейшие изменения в поведении спутника: расширившиеся от испуга зрачки, судорожный глоток воздуха, невольный шаг назад. Парень озирался по сторонам, точно дикий кролик, застигнутый врасплох крупным хищником и высматривающий путь к спасению.

Помолчав, Чжонянь протянул сложенную бумажку законному владельцу.

Ресницы Цзэмяня дрогнули. Он вскинул свои удивительные глаза и непонимающе уставился на протянутый чек.

Чжонянь смотрел на него в ответ — безмятежно и глубоко.

Цзэмянь несмело протянул руку и забрал улику.

Скомкав спиртовую салфетку, Чжонянь вместе с ней выбросил в урну все свои подозрения и недомолвки.

Он снова решил его пощадить.

Даже несмотря на то, что странностей в поведении этого парня было больше, чем звезд на небе, а его лицо прямо-таки умоляло о детальном расследовании.

Когда они вернулись в вип-кабину, заказанное Сяо Кэсуном музыкальное представление уже началось.

Стоило толкнуть дверь, как комнату заполнили чарующие звуки живой музыки.

Переливы струн и звонкие, чистые голоса певиц мгновенно проясняли разум. Исполнение было безупречным: профессиональная вокальная техника, глубокое дыхание — подлинное искусство.

Кэсун похлопал по дивану рядом с собой, приглашая Цзэмяня присесть, выпить и послушать музыку.

Дорогое выдержанное вино уже перелили в хрустальный декантер. В лучах разноцветной подсветки темно-рубиновый напиток отливал золотом, источая тонкий, дурманящий аромат.

Шоу устроили с поистине царским размахом: на сцене теснились больше десятка артистов. Пять девушек пели, остальные подыгрывали им на традиционных китайских инструментах. Под сводами кабины плыли звуки флейт и цитр, то затихая, то обрушиваясь бурным ливнем. Тягучие медленные переборы сменялись стремительным ритмом.

В углу даже установили внушительный ряд старинных колоколов-бяньчжун.

Едва Цзэмянь опустился на диван, две хостес в изысканных шелковых ципао поднесли ему горячие влажные полотенца. Одна из них грациозно присела перед ним на колени, наливая

чай, и вкрадчивым шепотом поинтересовалась, не желает ли господин массаж.

Точно так же окружили и Чжоняня.

В кабине было всего четыре гостя, но обслуживающего персонала и артистов набралось не меньше двух десятков.

Это казалось запредельным преувеличением.

Жизнь столичной золотой молодежи превосходила любые фантазии обывателя.

Цзэмянь почувствовал себя так, словно угодил в логово коварных обольстительниц. Он решительно замотал головой, отказываясь от услуг девушек, и смущенно пробормотал, что справится сам.

Заметив неловкость товарища, Кэсун щелкнул пальцами, отсылая прислугу.

— Ждите за дверью, пока не позову, — он фамильярно приобнял Цзэмяня за плечи и с улыбкой пояснил стоявшей рядом девушке: — Мой юный друг стесняется.

С противоположного конца дивана на них упал тяжелый, нечитаемый взгляд Чжоняня.

Е Чэнь бесцеремонно ухватил Кэсуна за воротник и оттащил в сторону:

— Сядь нормально.

Захмелевший Кэсун, обмякнув всем телом, упрямо попытался снова навалиться на Цзэмяня:

— Ну уж нет. Раз девчонок прогнали, дай мне хоть на плече моего красивого бро полежать!

Е Чэнь бросил беглый взгляд в сторону Чжоняня и негромко посоветовал другу:

— Жить надоело?

Кэсун намека не понял и возмущенно огрызнулся:

— А тебе-то что за дело?

Е Чэнь лишь усмехнулся и отпустил его воротник, предоставляя парню самому отвечать за

последствия собственной глупости.

Кэсун принялся негромко жаловаться Цзэмяню:

— Е Чэнь в последнее время совсем с катушек слетел, лезет куда не просят.

Цзэмянь не сдержал улыбки:

— Похоже, пока молодой господин Е рядом, роль разгульного императора в караоке тебе не светит.

Кэсун заговорщицки прищурился и прошептал на ухо другу:

— Да при чем тут Е Чэнь? Это все из-за Чжоняня.

Цзэмянь удивился:

— Из-за него?

Музыка продолжала звучать, и говорили они вполголоса, так что Чжонянь по всем законам физики не мог расслышать их шепот.

И тем не менее, он снова посмотрел в их сторону.

Почувствовав укол совести, Цзэмянь испугался, что Чжонянь поймет, что его моют по косточкам. Он приглушил голос до едва различимого шелеста:

— И как твоё нежелание развлекаться с девчонками связано с ним?

Поскольку дело касалось личных тайн друга, Кэсун, при всей своей беспечности, не стал вдаваться в подробности. Он кашлянул, прикрылся чашкой чая и туманно пояснил:

— Он терпеть не может всю эту мишуру. Ты хоть раз видел, чтобы мы с ним вместе тусовались в таких местах? Сегодня у меня день рождения, вот он и сделал одолжение — сидит, слушает классику. В любой другой день, будь тут столько девиц, его бы и след простыл.

Цзэмянь искренне восхитился:

— Надо же, какой благородный муж. Образец добродетели и самообладания.

— Пф-ф-ф!

Кэсун поперхнулся чаем, закашлявшись так сильно, что едва не задохнулся.

Е Чэнь и Чжонянь синхронно повернули головы в его сторону.

— Я... кхм... все в порядке, — прохрипел Кэсун, судорожно цепляясь за столик.

Цзэмянь принялся бережно постукивать его по спине, помогая восстановить дыхание.

В этот момент песня подошла к концу, и музыканты заиграли новую мелодию.

Это был не типичный попсовый мотив из караоке, а старинные стихи, положенные на музыку. Протяжная, возвышенная мелодия мгновенно захватывала внимание.

Заслушавшись, Цзэмянь быстро позабыл о прежней теме разговора.

Он не был знатоком традиционной музыки, но даже ему эта песня показалась чем-то невероятно благородным, бесконечно далеким от банальной попсы. Когда голоса певцов слились в едином хоре, у него перехватило дыхание от масштаба. Эта музыка словно преодолела толщу веков, увлекая слушателя в эпоху династии Сун — на залитые огнями праздничные улицы древней столицы во время фестиваля фонарей, где в воздухе кружились ароматы благовоний, а в вышине плыли звуки флейт.

"Хорошо быть богатым. Можно наслаждаться такой изысканной культурой".

Цзэмянь почувствовал, как его душа наполняется возвышенным трепетом. Теперь он до конца понял истинный смысл поговорки «к роскоши привыкаешь быстро, отвыкаешь — с трудом».

Тем временем Кэсун распечатал новую колоду карт и переглянул с друзьями:

— Что мы просто так сидим? Давайте перекинемся в карты.

Е Чэнь придвинулся ближе:

— На что играем?

Для Кэсуна это развлечение было делом привычным:

— Проигравшие по очереди водят победителя на ночной перекус целый месяц. Идет?

Возражений не последовало.

Пользуясь редким моментом, когда Чжонянь пребывал в благодушном настроении, Кэсун тут же затребовал:

— Твоя домашняя кухарка бесподобно готовит креветок в винном соусе. Хочу их.

— Сначала выиграй, потом меню составляй, — осадил его Чжонянь.

Кэсун обнял Цзэмяня за плечо:

— Чэнь Чжэ играет как бог. Он меня любит, так что обязательно выиграет для меня этих креветок. Правда же?

Цзэмянь понятия не имел, насколько хорошо играл настоящий Чэнь Чжэ, но раз уж Кэсун так пафосно хвастался его умениями перед Чжонянем, отступить было поздно. Напряжение нарастало.

— Ну, молодой господин Лу и молодой господин Е наверняка тоже профи, — осторожно заметил он.

Кэсун уверенно махнул рукой:

— Им до тебя как до луны пешком.

Цзэмянь промолчал.

Чжонянь неторопливо вытянул карту:

— Не будь так уверен. Он теперь совсем не тот, что прежде.

Цзэмянь уставился в свои карты, не смея вставить ни слова.

Е Чэнь удивленно приподнял бровь:

— В каком смысле «не тот»?

Кэсун охотно пояснил:

— Ах да, ты же не в курсе. Недавно люди Сюй Шаояна избили Чэнь Чжэ. Он сильно ударился головой, теперь половину вещей вообще не помнит.

Сюй Шаоян, опираясь на авторитет своей семьи, частенько распускал руки и вел себя вызывающе. Драки и дебоши были для него обычным делом, но одно дело — обычная потасовка, и совсем другое — покалечить человека до потери памяти.

Е Чэню это показалось странным. Зная склонность Кэсуна сгущать краски, он повернулся к Чжоняню за подтверждением:

— Это правда?

Чжонянь перевел взгляд на Цзэмяня.

Тот сидел ни жив ни мертв, лихорадочно перебирая карты в руках. Он делал вид, что увлечен планированием ходов, но на самом деле весь обратился в слух, боясь пропустить хоть слово.

Чжонянь спокойно отвернулся и небрежно подтвердил:

— Да. Говорят, отшибло память подчистую.

Пальцы Цзэмяня судорожно сжались.

Чжонянь ответил крайне изворотливо. Он намеренно опустил подлежащее, заставив Е Чэня поверить, будто это официальное заключение врачей. И только сам Цзэмянь знал, что за этой фразой скрывается лишь его собственное вранье.

Медицинского подтверждения этой «амнезии» не существовало в природе, и Чжонянь ни на секунду не поверил в его сказку.

И тем не менее, он только что солгал ради него перед Е Чэнем.

Мысли Цзэмяня путались, он перестал следить за ходом игры и бросал карты наугад, совершая одну глупую ошибку за другой.

После нескольких сокрушительных поражений подряд даже простодушный Кэсун заподозрил неладное. Он бесцеремонно выхватил у него оставшиеся карты и принялся изучать их.

— Ты что, подыгрываешь Чжоняню? — Кэсун выудил два черных туза. — Почему ты их придержал?

Цзэмянь со вздохом опустил карты на стол:

— Я, кажется, переутомился. Пойду на улицу, подышу свежим воздухом. Играйте пока без меня.

Кэсун сверился с часами:

— Ты же спал в машине.

— Он вообще любит поспать, — меланхолично вставил Чжонянь.

В душе Кэсуна шевельнулось странное, смутное подозрение, словно между этими двоими происходило нечто, скрытое от его глаз:

— Откуда тебе знать, сколько он спит? Вы же не спали в одной постели.

Е Чэнь беззвучно поперхнулся вином.

Цзэмянь, не уловив двусмысленного подтекста, поднялся и набросил куртку. Он спросил у Кэсуна:

— Тебе принести чего-нибудь перекусить?

— Ты собрался уходить? — удивился тот.

— Тут неподалеку есть ночной рынок с едой, — кивнул Цзэмянь. — Хочу купить чего-нибудь вкусного.

— Ночной рынок? — глаза Кэсуна мгновенно загорелись. — Я с тобой!

— Да я быстро, — попытался отговорить его Цзэмянь. — Возьму велосипед напрокат и обернусь в один миг. Там с парковкой туго, на машине не проехать.

Но Кэсун уже вытаскивал бумажник, подталкивая друга к выходу:

— Вот и отлично, я тоже поеду на велосипеде.

Проходя мимо Е Чэня, Цзэмянь вежливо поинтересовался:

— Молодой господин Е, вам что-нибудь взять?

— Я такое не ем, — отрезал тот.

— Почему? — не понял Цзэмянь.

Кэсун язвительно хмыкнул:

— Ему нельзя. Наш молодой господин Е слишком нежный, у него желудок деликатнее, чем у породистой кошки.

Цзэмянь перевел взгляд на Чжоняня:

— А тебе, молодой господин Лу?

Тот лишь молча покачал головой.

Кэсун, торопясь уйти, увлек Цзэмяня за собой и заговорщицки зашептал:

— Мог бы и не спрашивать. Чжонянь в еде жуткий привереда.

Цзэмянь понимающе кивнул:

— Ну да, он ведь еще более благородных кровей.

— И откуда у тебя такие познания о моих привычках? — раздался за спиной вкрадчивый голос Чжоняня.

Кабина была огромной, в углу гремела музыка, и уходившие друзья были уверены, что их шепот никто не услышит. Они и подумать не могли, что Чжонянь уловит их болтовню.

Перепуганные приятели, едва не сбив друг друга с ног, пулей выскочили в коридор.

К счастью, Цзэмянь оказался расторопнее — он ловко проскользнул в дверной проем, иначе они с Кэсуном точно застряли бы в дверях.

На пороге они едва не врезались в официанта с фруктовой нарезкой.

Даже спасаясь бегством, Кэсун умудрился стащить с подноса горсть мелких золотых

мандаринов. Откусив один, он тут же скривился:

— Фу, кислятина!

Он огляделся по сторонам, высматривая, куда бы выкинуть испорченный фрукт.

— Дай сюда, маменькин сынок, — Цзэмянь забрал у него мандарины и закинул один в рот. — Нормальный вкус, сладкие.

Пораженный тем, что друг жует цитрусы и даже не морщится, Кэсун заподозрил, что ему просто попался единственный бракованный плод, но рисковать и пробовать снова не решился.

Коридор, устланный мягким ковром, сиял позолотой. Из кабин доносились отголоски караоке.

Хостес в нарядных платьях приветливо улыбались Кэсуну. Одни держали в руках музыкальные инструменты, другие были в танцевальных костюмах. Они кокетливо окружили молодого господина Сяо, наперебой выпрашивая, почему он уходит так рано и неужели им не угодили с обслуживанием.

Кэсун, привыкший к такому приему, держался уверенно и непринужденно.

Он притянул к себе Цзэмяня за плечи:

— Все отлично, красавицы. Мы просто с другом решили съездить за уличной едой.

Кэсун был завсегдатаем Терема Изобилия, и обычно его всегда сопровождала толпа прихлебателей. Цзэмянь раньше держался в тени, и девушки принимали его за обычного телохранителя или мелкого порученца. Но теперь, когда Кэсун вытащил его под яркий свет люстр, хостес наконец разглядели его лицо.

Шумное щебетание мгновенно стихло.

Девушки переглянулись, и на их лицах расцвели лукавые улыбки.

— Молодой господин Сяо, теперь понятно, почему вы к нам дорогу забыли. С таким-то спутником!

— Боже, какой красавчик. Отличный вкус, молодой господин Сяо.

— Наш управляющий опять лопнет от злости. Вечно ругает нас, что мы плохо стараемся. Но как тут сравниться? Такую внешность никакой работой над собой не заслужишь.

— Невероятно хорош.

— Прямо как кино звезда.

Одна из девушек в элегантном черном платье осмелела и протянула руку, намереваясь коснуться щеки Цзэмяня:

— Кожа такая нежная... Из какого модельного агентства этого красавчика выписали?

Цзэмянь уловил тонкий шлейф парфюма. Прежде чем разум успел осмыслить происходящее, тело отреагировало на автомате: мышцы напряглись, готовые к броску через плечо. Лишь в последний момент он заметил безупречный красный маникюр на ее пальцах и вовремя остановил движение.

"Нельзя швырять девушек на пол".

Хостес даже не поняла, что едва не совершила полет через всю приемную. Она ласково коснулась его лица и рассмеялась:

— И правда, милашка.

Цзэмянь, которому и в прошлой жизни в барах частенько предлагали подработать моделью, лишь спокойно улыбнулся в ответ.

А вот Кэсун мгновенно помрачнел:

— Какое еще агентство? Это мой близкий друг!

Не слушая оправданий, он схватил Цзэмяня за руку и потащил прочь.

Едва они миновали вестибюль, как Кэсун резко затормозил, указывая пальцем в сторону:

— Эй, глянь-ка! Это еще кто?

Цзэмянь, как раз дожевывавший последний мандарин, едва не подавился от неожиданного рывка. Он посмотрел в указанном направлении, но успел заметить лишь хрупкую женскую фигуру, скрывающуюся за поворотом.

Длинные черные волосы, строгое вечернее платье... В руках она, кажется, несла музыкальный инструмент.

— И кто это? — Цзэмянь повернулся к другу. — Твоя знакомая?

— Похоже, девчонка из нашего университета, — неуверенно произнес Кэсун.

Цзэмянь нахмурился.

"Студентка престижного вуза, играет на струнном инструменте, подрабатывает по ночам в элитном заведении..."

Эти детали мгновенно сложились в его голове в единую картину. В памяти всплыл ключевой эпизод из оригинального романа, который раньше казался второстепенным.

— Это же Шэнь Цинвань! — Цзэмянь взволнованно схватил Кэсуна за предплечье. — Точно, вспомнил!

Именно в эту ночь, когда Кэсун праздновал свое двадцатилетие, Шэнь Цинвань подрабатывала в Тереме Изобилия. В одном из залов пьяные гости начали приставать к флейтистке. Все малодушно попрятались, и лишь благородная Цинвань попыталась защитить коллегу, в результате чего обеих заперли в вип-кабине...

А дальше, по закону жанра, появлялся прекрасный принц в лице Лу Чжоняня, устраивая вместе с друзьями грандиозный погром.

Это был поворотный момент сюжета. В книге об этом рассказывалось как о воспоминании самой героини — именно тогда она без памяти влюбилась в своего спасителя.

Цзэмянь почувствовал, как учащается пульс. Он стал свидетелем зарождения великой истории любви.

— Скорее зови Чжоняня! У Шэнь Цинвань сейчас будут крупные неприятности!

Кэсун опешил:

— Откуда такие пророчества?

— Э-э... я предчувствую, — выкрутился Цзэмянь. — Чутье подсказывает, что ей сегодня грозит опасность от неадекватных клиентов.

Кэсун прищурился, и в его глазах промелькнула неожиданная проницательность:

— Допустим. Но при чем тут Чжонянь? Разве не логичнее сообщить обо всем местному

менеджеру?

Цзэмянь не ожидал от ветреного друга такой рассудительности.

— Ладно, иди к менеджеру, а я проверю, что там происходит.

Кэсун удержал его за рукав, хитро улыбаясь:

— А ты, я погляжу, равнодушен к нашей школьной красавице.

— Глупости не говори, — отмахнулся Цзэмянь. — Я исключительно о благе твоего друга пекусь.

Кэсун покачал головой:

— Даже не думай. У нее с Чжонянем нет ни единого шанса.

Цзэмянь искренне удивился.

Шэнь Цинвань была ключевой фигурой в романе, любимицей читателей. Почему же лучший друг главного героя хоронит ее шансы еще до начала основного сюжета?

— Почему это?

— Тут долгая история, — замялся Кэсун. — Ладно, расскажу, только чур — никому ни слова.

Цзэмянь соорудил самую невинную и честную гримасу, на какую только был способен:

— Кому я могу рассказать? У меня и знакомых-то нет.

Кэсун счел этот аргумент убедительным:

— Чжонянь никогда на нее не посмотрит. Она слишком напоминает одного нашего общего друга детства. Тот был таким же — худым, замкнутым, и тоже виртуозно играл на гуцине.

В памяти Цзэмяня не всплывало подобных персонажей.

— У вас был еще один друг, помимо Е Чэня?

— Да, Су Яо, — со вздохом кивнул Кэсун. — Первая любовь Е Чэня. Он уехал за границу несколько лет назад и с тех пор не возвращался.

"Вот оно что. Шэнь Цинвань просто похожа на бывшую пассию Е Чэня. Теперь понятно, почему Кэсун считает ее неподходящей парой для Чжоняня".

— Да и вообще, она не в его вкусе, — добавил Кэсун. — Слишком хрупкая, вечно бледная, будто заболеть боится.

Цзэмянь так и не уловил логической связи между хрупким здоровьем и делами сердечными.

Тем временем Кэсун разыскал управляющего и расспросил его о студентке.

Тот расплылся в улыбке. Талантливая красавица с гуцинем пользовалась огромным успехом, многие клиенты приходили специально ради нее.

— У ее отца серьезные проблемы с законом, растратил казенные деньги на бирже, теперь пытаются выплатить ущерб, чтобы получить условный срок, — шепнул менеджер. — В Тереме Изобилия приличные чаевые. Девушка с ее внешностью и манерами легко делает тут приличные деньги за месяц, просто играя на инструменте.

— И только играет? — Кэсун недоверчиво прищурился.

— Полноте, молодой господин Сяо! У нас солидное заведение, никакого криминала. Если не верите, взгляните сами.

Менеджер развернул к ним монитор системы видеонаблюдения.

На экране царил мирная обстановка. Девушка сидела за инструментом на приличном расстоянии от гостей — их разделяли несколько столов и метра четыре пространства.

Клиенты занимались своими делами, выпивали и не обращали на музыку особого внимания. Судя по кислым лицам, традиционные мотивы навевали на них тоску — им явно хотелось чего-то более динамичного.

Кэсун победно взглянул на друга:

— Ошибся ты, предсказатель.

Цзэмянь растерялся.

Неужели его вмешательство в сюжет запустило пресловутый «эффект бабочки» и предотвратило каноничное столкновение?

Заметив его сомнения, Кэсун обратился к менеджеру:

— Мы учимся в одном университете. Присмотрите за ней.

— Разумеется, молодой господин Сяо, — угодливо поклонился тот. — Раз уж вы лично попросили, сделаем в лучшем виде.

Он тут же подозвал двух крепких охранников и приказал им дежурить у входа в ту кабину.

Кэсун с грустной улыбкой посмотрел на экран:

— Удивительное сходство с Су Яо... Е Чэню будет больно, если он ее увидит.

Цзэмянь, убедившись, что инцидент исчерпан, потянул друга к выходу:

— Ну что, едем за едой? А то закроются.

Кэсун возмутился его черствости:

— Я тут делюсь с тобой душевными ранами лучшего друга, а тебя заботит только то, что палатки с едой закроются?

Цзэмянь просто указал на часы:

— Уже одиннадцать вечера. Рынок работает до половины двенадцатого, а нам еще доехать надо.

Кэсун лишился дара речи.

"Этот парень явно никогда не страдал от безответной любви. Полное отсутствие эмпатии... Е Чэнь годами никого к себе не подпускает, все ждет Су Яо..."

Но Цзэмянь уже настойчиво подталкивал его к дверям:

— Твой Су Яо уехал кучу лет назад, полчаса погоды не сделают. А вот шашлычки через тридцать минут точно закончатся.

Кэсун вынужден был признать его правоту.

Оказавшись на улице, Цзэмянь мигом арендовал первый попавшийся велосипед и с места взял такой старт, что только пятки засверкали. Пока Кэсун придирчиво выбирал себе транспорт, его спутник уже скрылся за поворотом.

Молодому господину Сяо пришлось брать то, что осталось. Даже не успев отрегулировать высоту седла, он покатил следом, нелепо поджимая длинные ноги.

В обычной жизни уклоны дорог незаметны ни пешеходам, ни водителям. Но стоит пересестись на велосипед, как каждый метр подъема начинает ощущаться всем телом.

Карта утверждала, что до рынка всего километр. На деле же вышли все два, причем исключительно в гору. Цзэмянь мчался вперед, а Кэсун изо всех сил пытался не отстать, то и дело приподнимаясь на педалях. Под конец эта поездка превратилась для него в настоящий изнурительный марафон.

— Откуда в этом доходяге столько дури? — пропыхтел Кэсун, застряв на светофоре и провожая взглядом удаляющуюся спину друга. — Едет на колыхаге, а выглядит так, словно в велогонке участвует.

Чтобы нагнать Цзэмяня у входа на ночной рынок, Кэсуну пришлось выложиться на полную. Ноги у него немилосердно гудели.

К моменту их прибытия торговля уже затихала, многие прилавки опустели, унося с собой шумную атмосферу праздника.

Кэсун предался воспоминаниям:

— В школьные годы мы часто бегали к таким палаткам после уроков. Тогда Су Яо еще не уехал, да и Чжонянь был проще.

Цзэмянь, увлеченно разглядывавший вывески с едой, пропустил его ностальгический порыв мимо ушей, зацепившись лишь за упоминание о чистоплотности Чжоняня:

— Он всегда был таким помешанным на чистоте?

— Чистоту он любил с детства, — кивнул Кэсун. — Помню, если я прикасался к его игрушкам, он их просто выбрасывал. Но тогда мы хотя бы общались нормально, постоянно ночевали друг у друга. А теперь они меня к себе и близко не подпускают.

— Ну, вы же выросли. Втроем на одной кровати тесновато будет.

— Поместились бы, — возразил Кэсун. — Я рассказывал тебе про зимний лагерь? Тогда ударил жуткий буран, я едва не окоченел в своей палатке. В итоге залез к парням в спальник, только так и спасся.

Цзэмянь рассмеялся:

— Надо же было додуматься — поехать в горы зимой. Любишь ты создавать себе трудности за собственные деньги.

— Это еще цветочки, — отмахнулся Кэсун. — Мы как-то с Чжонянем с парашютом прыгали. В тот момент я мысленно уже со всеми попрощался. А он потом еще и в горы меня звал, на Хабу. Я сразу сказал — ищите другого дурака.

Цзэмянь притормозил у прилавка с японскими осьминожками:

— Похоже, молодой господин Лу равнодушен к экстриму.

— У него энергии вагон.

Кэсун увлеченно рассказывал об очередной опасной аванюре, как вдруг заметил, что говорит в пустоту.

Цзэмянь отстал метров на пять и вовсе уплетал свежеприготовленные такояки.

—...

Горячие шарики из теста с кусочками осьминога лоснились от соуса, щедро посыпанные стружкой тунца и водорослями.

Хрустящая корочка, нежная начинка и упругий морепродукт — идеальное сочетание.

Вот только обжигает горячо.

Цзэмянь смешно дул на еду, пытаясь остудить очередной шарик.

Кэсун подошел к нему, картинно скрестив руки на груди:

— Ну и как это понимать? Я тут распинаюсь, а он уже за обе щеки уминает.

Цзэмянь быстро проглотил лакомство и невозмутимо соврал:

— Я сам не понял, как это вышло. Помню только манящий аромат, секундный провал в памяти — и вот я уже стою здесь с тарелкой.

— Слов нет, — Кэсун потащил его дальше по рядам. — Ты прям как уличный кот. Стоит отпустить — и ты уже у помойки с едой. Неужели это тесто такое вкусное?

Цзэмяню хотелось поделиться восторгом от вкуса, но, заглянув в коробку, он засомневался.

Там оставалось всего три штуки. Если он угостит Кэсуна, останется два. А если Кэсуну понравится, тот наверняка захочет еще один...

И тогда самому Цзэмяню достанется всего один шарик.

"Этот обжора точно сожрет все подчистую".

Но, переборов жадность ради друга, он протянул ему коробку:

— На, попробуй.

Кэсун брезгливо пошевелил шпажкой содержимое коробки:

— Эх, променять роскошных крабов на праздничном ужине на эту уличную стряпню...

Цзэмянь тут же попытался забрать коробку обратно:

— Можешь не есть, если брезгуешь.

Но Кэсун оказался быстрее — ловко подцепил один шарик и отправил в рот.

Против вкуса уличной еды не устоял даже изнеженный богач.

В итоге они обошли весь рынок, успев попробовать традиционный рубец, наваристый суп-лужжу, сладкие рисовые рулетики, ароматные шашлычки, нежный запеченный тофу, жареный крахмальный пудинг, утку в бамбуке, картофельное пюре под сыром и десерт из корня лотоса. Назад в Терем Изобилия они несли лишь пару коробок с такояки и охапку шашлычков из кальмара.

У входа Цзэмянь поинтересовался у администратора:

— Все спокойно?

— Да, — кивнул тот. — Госпожа Шэнь уже закончила смену и ушла.

По правилам Терема Изобилия проносить свою еду запрещалось, но для Кэсуна всегда делали исключение. Управляющий предпочел просто не заметить пакеты в их руках.

Но запах жареных кальмаров со специями был слишком сильным.

Гости, у которых на входе отобрали алкоголь и закуски, возмутились:

— Это еще почему им можно проносить еду, а нам нельзя?

— Действительно, у вас тут правила для всех одинаковые или как? Что за двойные стандарты?

Администратор вежливо попытался успокоить недовольных, объясняя, что алкоголь можно оставить на хранение, а еду доест на улице. Или же повысить статус стола до премиум-класса.

Но мужчины не унимались. Один из них достал телефон и начал снимать Кэсуна на видео, угрожая выложить запись в сеть.

Кэсун мгновенно закипел, готовый устроить скандал.

Цзэмянь придержал его за плечо:

— Забей на них, не порть себе праздник. Давай выйдем, тут делов-то на три минуты, съедим все на улице и вернемся.

Перед другом Кэсун быстро остыл. Молча развернувшись, он вышел на свежий воздух.

На часах был глубокий вечер. Большинство магазинов уже закрылись, улицы погрузились в тишину.

Ночной ветерок приятно освежал лицо.

Кэсун не спеша жевал шашлычок, постепенно приходя в благодушное настроение.

Не успел он объявить, что гнев сменился на милость, как со стороны донесся пронзительный женский крик.

Кэсун обернулся и замер: прямо в его сторону летела пустая пивная бутылка!

Цзэмянь среагировал мгновенно — ухватил друга за загривок и заставил пригнуться.

Снаряд пролетел мимо и с оглушительным звоном разлетелся на куски о каменную мостовую.

Кэсун испуганно сглотнул.

"Попади эта штука в голову — и день рождения закончился бы в реанимации".

Цзэмянь выпрямился и посмотрел в ту сторону, откуда прилетела бутылка.

В тусклом свете уличного фонаря показались две бегущие девушки. Шэнь Цинвань изо всех сил тащила на себе испуганную подругу.

За ними по пятам гналась компания нетрезвых мужчин средних лет. Они громко улюлюкали, а один из них как раз замахивался для очередного броска.

"Сюжетные рельсы все-таки догнали героев".

Цзэмянь ничуть не удивился. Лицо его оставалось абсолютно спокойным. Он молча всучил Кэсуну остатки шашлычков.

Тот не успел издать ни звука, как Цзэмянь стремительной тенью скользнул мимо бегущих девушек навстречу преследователям.

Цинвань успела лишь почувствовать легкий порыв ветра.

Пряди волос взметнулись у ее лица, и в неверном свете фонарей она на миг разглядела безупречный, точеный профиль своего спасителя.

— Чэнь Чжэ! — пронеслось в головах у Кэсуна и Цинвань одновременно.

В следующую секунду мужчина, замахнувшийся бутылкой, с криком взмыл в воздух и отлетел назад, рухнув на асфальт от мощного удара ноги.

Цзэмянь плавно опустил ногу, заняв место поверженного противника. Оказавшись лицом к лицу с бандой пьяниц, он окинул их ледяным взглядом и негромко произнес:

— Проваливайте. Живо.